ИГРА В БИСЕР: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ТЕКСТА

THE GLASS BEAD GAME: HIDDEN MEANINGS OF THE TEXT

УДК 801.112-2Ге82-2
DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-36-45

Галина Михайловна Васильева,
Новосибирский государственный университет экономики и управления
(г. Новосибирск, Россия),
e-mail: vasileva_g.m@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6928-1096

Антропоцентричность как принцип перевода: «Фауст» К. А. Иванова

В статье изучается перевод трагедии, результат более чем 38-летней работы последнего директора Царскосельской гимназии, человека «фаустовской культуры». Актуальность исследования определяется тем, что каждый перевод трагедии «Фауст» позволяет вникнуть в новые культурные смыслы, влияет на поэтические практики, представления о ремесле переводчика, на понимание христианства. Проблема исследования – выявить полифункциональное понятие «антропоцентричность» при характеристике перевода Константина Алексеевича Иванова в культурно-историческом, конфессиональном и языковом аспектах. Перевод был опубликован в 2006 г., и в академическом поле пока отсутствуют исследования о нём. Суть научной гипотезы заключается в том, что принципом перевода К. А. Иванова является антропоцентричность. Автор избегал догматической зависимости от терминологической системы, полагая, что термин утрачивает метафорическую энергию. Он не дал номинации понятия, объясняя его в эмпирическом смысле. По убеждению К. А. Иванова, именно реальные события послужили основой для интерпретаций и выводов. Постижение собственного опыта является безусловной характеристикой антропоцентризма. Переводчик предлагал также своеобразную ретроспективную экспозицию, вспоминал единомышленников, любителей и знатоков Гёте. Они кодировали ценности, которые соединены в сознании переводчика с именем Гёте и его персонажей. Единство антропонимов, обретающих культурные смыслы, образует антропоцентрический код К. А. Иванова. В данной статье применяется интегративный междисциплинарный метод, который обладает гносеологическим потенциалом. Автор статьи пришёл к следующим выводам: К. А. Иванов не ставил вопрос о целесообразности создания нескольких переводов для одного поэтического произведения. Хороший перевод возможен лишь в контексте большой литературной традиции, опыта предшественников. Поэтические «я» дополняют друг друга по законам палимпсеста. Круг единомышленников участвует в поэтическом событии – в создании образов, в отборе интонаций, что определило уникальность и автобиографический подтекст перевода. Перевод трагедии К. А. Иванова воспринимается как проявление воспитательных интенций. Переводчик предполагал в сочинении Гёте естественную педагогичность классического образца и включал его в свой проект народного просвещения. Перевод несёт на себе явные черты времени – предвоенной, революционной эпохи. Внешним хаотичным жизненным событиям противопоставлялась внутренняя регенерация прежнего культурного порядка. К. А. Иванов искал аналоги произведения – стиль, темы – в отечественной литературе.

Ключевые слова: культ Фауста, идеальный объект служения, реальные адресаты, историко-научные комментарии, лингвистические конвенции, живая речевая традиция

© Васильева Г. М., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
The content is available under the Creative Commons "Attribution" 4.0 International

Galina M. Vasilyeva,
Novosibirsk State University of Economics and Management
(Novosibirsk, Russia),
e-mail: vasileva_g.m@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6928-1096

Anthropocentricity as a Principle of Translation: Faust by K. A. Ivanov

The tragedy's translation is studied as a result of more than 38 years of work by the last gymnasium headmaster in Tsarskoye Selo, the man of "Faust's culture". The relevance of the research is determined by the fact that each translation of a tragedy allows one to grasp into new cultural meanings and influences poetic practices and translator's representation, as well as understanding of Christianity. The problem of the research is to identify the multifunctional concept of "anthropocentricity" on specifics of Ivanov's translation in cultural-historical, confessional and linguistic aspects. The translation was published in 2006, but there isn't any research on it in the academic field yet. The essence of the scientific hypothesis is that the principle of Ivanov's translation is anthropocentricity. Ivanov avoided dogmatic dependence on the terminological system and believed that the term was losing its metaphorical energy. He gave no nomination for the concept, explaining it in an empirical sense. According to Ivanov, it is real events that are the basis for interpretations and conclusions. Comprehension of one's own experience is an unconditional characteristic of anthropocentrism. The translator also offered a kind of retrospective exhibition, recalled like-minded people, amateurs and connoisseurs of Goethe. They encoded values that are connected in the mind of the translator with the name of Goethe and his characters. The unity of anthroponyms acquiring cultural meanings forms Ivanov's anthropocentric code. In this article, an integrative interdisciplinary method is used, which has an epistemological capacity. The author of the article came to the following conclusions. Ivanov did not raise the issue of expedience of establishing several translations for one poetical work. A good translation is possible only in the context of a great literary tradition, the predecessors' experience. Poetic "inner men" complement each other by the rules of palimpsest. The fold participates in the poetic events, such as: the image's creation, the selection of intonations, that determined the uniqueness and autobiographical subtext of the translation. The translation of the Ivanov's tragedy is perceived as a manifestation of educational intentions. Ivanov assumed that there is a natural pedagogy of the classical example in Goethe's work and included this in his project of public education. The translation carries obvious time features: the pre-war and revolutionary eras. External chaotic life events were contrasted with internal regeneration of the previous cultural discipline. Ivanov was looking for analogues of the work, such as style, themes in Russian literature.

Keywords: Faust-cult, an ideal object of serving, real addressees, historical and scientific commentary, linguistic conventions, living speech tradition

Введение. Транслатологические исследования отличает интерес к «переводящему субъекту»: к становлению его манеры, к биографии как истоку и опыту поэтической речи, природе компромиссов [1; 2]. Сторонники антропоцентрического принципа утверждают, что в основе процесса перевода находится прежде всего личность переводчика [3]. Изучать историю перевода – значит анализировать этапы, которые переживает переводчик: выражение оригинала произведения средствами другого языка, смысловые акценты [4], когнитивный контекст (образно-ассоциативное познание переводчика и смыслопорождения) [5].

Рукопись «Фауста» К. А. Иванова (1858–1919), опубликованная в 2006 г., приближает читателей к возможной полноте корпуса переводов трагедии[1]. К. А. Иванов начал перевод в 1880 г., в последний год учёбы в университете, и завершил в декабре 1918 г., незадолго до смерти. После ухода Константина Алексеевича в отставку в 1917 г. «Фауст» стал его главной жизненной задачей. Переводчик не исключал, что его труд останется неизвестным. К. А. Иванов доказал своей судьбой, что перевод предполагает обострённое чувство самоотречения автора, выражает бескорыстную стихию культуры. Однако сочинение К. А. Иванова выполнило свою задачу: оно является фактом отечественной литературы.

Трудно проследить эволюцию творческой манеры переводчика, восстановить генетическое досье: поэтические ювенилии не сохранились. Вероятно, он переводил трагедию в естественной последовательности. Датирование действий опускается, что подчёркивает целостный характер перевода.

Научный руководитель проекта издания данного перевода, И. С. Алексеева, является автором работ по лингвистическому переводоведению. Она продолжает традицию теоретиков переводческого искусства А. Бермана [6], А. Мешонника [7], Дж. Лича

[1] Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Фауст. Трагедия: в 2 кн. Кн. 2 / пер. и коммент. К. А. Иванова. – СПб.: Вита Нова, 2017.– С. 406. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, в круглых скобках указываются книга и страницы.

[8], Э. Прунча [9]. И. С. Алексеева выступает за близость к авторскому тексту: сохранение интонаций и ритма подлинника, пунктуации. За основу берутся принципы лингвопоэтического анализа. Но основная направленность её сопроводительной статьи – этическая: перевод должен стать раскрытием интенций, преобладающих в тексте, «метисацией». В послесловии Н. К. Иванова-Есиповича к изданию перевода судьба рукописи не рассматривается в зеркале сенсационного литературоведения. Возникает портрет переводчика на фоне эпохи. Биографические, исторические сведения дают ключ к публикационным вопросам.

Перевод К. А. Иванова пока не вошёл в академическое поле, в систему представлений специалистов-филологов: сочинение не подключают к аргументации, со ссылками на него и цитатами.

Проблема, поставленная в данной статье, – выявить коды транслирования антропоцентричности в переводе К. Иванова.

Цель исследования – прокомментировать актуализацию переводческой традиции «Фауста» Гёте в отдельной авторской концепции. Поставленная цель определила задачи:

– исследовать понятие «антропоцентричность» в рамках его типологии, содержания и функционирования;

– прокомментировать роль реальных адресатов в воплощении замысла;

– представить генетический и типологический фон, определяющий литературные коннотации трагедии в переводе;

– проследить, как элементы перевода соединяются на локальном уровне и на уровне историко-культурных обобщений;

– изучить контекстуальные связи и возможности интерпретации смысла, которые скрываются за ними (политическая реальность, историко-философские идеи).

Результаты исследования позволят обновить фактологическую основу отечественного гётеведения, могут быть использованы при комментировании.

Суть нашей научной гипотезы заключается в следующем: «антропоцентричность» является ключевым понятием в творчестве Иванова, символом идей перевода в их совокупности. К. А. Иванов не включал это слово в терминологическую систему конкретной профессиональной области. Его семантизация происходит при помощи примеров. Автор испытывал эмоциональную привязанность к сообществу друзей, ценителей «Фауста». По их убеждению, Гёте воплотил универсальные модели переживаний и поведения человека. Единомышленники понимали себя не только через медленно постигаемый житейский опыт, но и в преломлённом, сконцентрированном виде – через чтение трагедии «Фауст». Собственные имена знатоков немецкого классика обретают для Иванова метафорическое значение, становятся эталонами культуры.

Методология и методы исследования. Интегративный междисциплинарный подход является объединительной основой для методологических приёмов и процедур, используемых в рамках нашего исследования. Он позволяет применить историко-литературный, культурно-типологический методы. Стимулом к развитию методологической рефлексии об антропоцентричности явились для нас сочинения К. Гирца, учёного-эмпирика, продолжателя культурно-антропологической традиции. К. Гирц понимал антропоцентризм как «расширение границ общечеловеческого разговора» [10, с. 534]. Эстетико-аксиологический метод даёт возможность выявить ценностно-смысловую роль трагедии Гёте в историко-культурном контексте разных эпох. При изучении подхода К. Иванова к процессу перевода мы опираемся на положения трехэтапной интерпретативной теории Д. Селескович и М. Ледерер: понимание переводчиком смысла оригинала, девербализация смысла, последующее его выражение на ином языке и обращение к другим переводам в рамках общей литературной традиции [11].

Результаты исследования и их обсуждение. ***Ценностные и художественные парадигмы в среде единомышленников К. Иванова. Двуединство универсального и локального.*** *Опубликованный перевод открывает предисловие от автора,* написанное в Царском Селе *в начале* 1919 г. Творческое самоопределение К. А. Иванова строится на единстве «жизни» и «литературы», что предполагает свободу человека и его ориентированность на классический канон. Переводчик пишет об охватившем его «с юных лет культе Фауста» (1, с. 18*),* когда он увидел тему своей последующей интеллектуальной судьбы. При воплощении замысла ориентирами переводчика стали реальные адресаты. Круг единомыш-

ленников играет роль невидимых собеседников и референтных инстанций, участвует в поэтическом событии – в создании образов, в отборе интонаций. «Фауст» предстаёт в «прирученном», «одомашненном» виде – как история встреч и прочитанных книг. Трагедия обретает автобиографический подтекст.

К. А. Иванов рассматривал проблемы культуры через локальные повседневные смыслы. Его предки по материнской линии происходили от остзейских немцев Касперов. Посвящением матери и дочери являются заключительные стихи мистического хора во второй части трагедии. «*В мир же, где правда одна пребывает, / Женственно-вечное нас увлекает*» (1, с. 13). Образ das Ewig-Weibliche представал в феминных персонификациях как нравственное cogito: весть о вечном младенчестве человека и родственное ему начало материнства. В период работы над переводом К. А. Иванов пережил глубочайший опыт страдания – смерть дочери Лизы в 1910 г. Соприкосновение смысла и обстоятельств высказывания создают достоверность эмоции.

Переводчик одухотворяет, чувственно обживает петербургско-европейскую ойкумену. Он обучался в немецком пансионе А. Ф. Юргенс, семьи, «созданной рядами культурных поколений» (Там же, с. 11). Членам семьи, в силу немецкого происхождения, была близка протестантская культура. Но они проявляли благосклонность к каждому ученику, независимо от его национальной и конфессиональной принадлежности. Здесь воспитывалось достойное, «кальвинистское» отношение к классической литературе. Гуманитарный курс перестраивали в соответствии с интересами учеников.

Ореол обретают малые территориальные величины (Нарва, Царское Село) и образы провиденциальных собеседников (историков, филологов, специалистов по музейному делу, кристаллографа И. И. Шафрановского). По поводу одного из них К. А. Иванов восклицает: «*Вот к чему привёл “культ Фауста” – к неожиданной встрече сторонника этого культа с живым олицетворением предмета своего культа и даже к нежной дружбе с ним!*» (Там же, с. 18). Знакомства переводчика с почитателями Гёте являются фоном сквозных мотивов его творчества, таких как становление картины мира, дружба.

В университете постижению К. А. Ивановым традиций «германского духа» способствовали профессор всеобщей истории А. Н. Веселовский и византинист В. Г. Васильевский. Библиограф Э. И. Конге пригласил К. А. Иванова посетить специализированную юридическую библиотеку при Втором отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии образования, где имелся так называемый «кабинет доктора Фауста» (Там же, с. 14). Позже культ Фауста объединил Иванова с инженером-технологом, «высококультурным старцем» А. Ф. Ганом (1832–1914) (Там же, с. 19). Являясь в разные периоды городским главой Нарвы, А. Ф. Ган благоустраивал город, на свои средства создал кургауз, спроектировал грязелечебницу в Гунгербурге. Иванов сравнивает его с «излюбленным героем», который отвоёвывает у моря часть суши: он «был и остался воскресшим Фаустом» (Там же, с. 18). А. Ф. Ган также переводил Гёте и читал другу отрывок из IV действия (вторая часть) на своей вилле *«Каприччио»,* на берегу Балтийского моря. Именно ему К. А. Иванов пообещал перевести в стихах всю трагедию. Он исполнил обязательство через четыре года после кончины своего конфидента.

Интерес к «Фаусту» переводчик разделил с другом детства, историком литературы и палеографом И. А. Шляпкиным (1858–1918). Сходство человеческих и творческих обликов позволяло осмыслить их судьбы как взаимообъясняющие. К. А. Иванов отмечал, что уже в период профессорской деятельности И. А. Шляпкина «культ Фауста у И. А. вылился в наиболее удачную форму» (Там же, с. 17). Дома в Белоострове И. А. Шляпкин устроил кабинет Фауста, где собрал предметы в средневековом стиле. Среди инкунабул выделялись сборник предсказаний Нострадамуса “Conturies” и экземпляр «Нострадамовы творенья» (Там же, с. 341). Они упоминались в сцене «Ночь»[1], поэтому обрели для двух друзей мемориальную, символическую функцию.

Педагогическая деятельность К. А. Иванова и её метафизический контекст. Перевод К. А. Иванова воспринимается как этическое послание, проявление воспитательных интенций. Перевод

[1] О его доме в Финляндии, уникальной библиотеке в 150 тысяч томов упоминает бывший студент К. Ю. Ляндау в мемуарах «Из воспоминаний одного русского библиофила». См.: [13, с. 258].

является частью Bildung, которое обретает завершённую форму в творчестве Гёте [12, с. 486]. Данное понятие связано с процессом образования и формирования. Антропологическая проблематика немецкого писателя является важной в историко-литературном сюжете К. Иванова. Далёкий от «идолатрического отношения» к «Фаусту», переводчик предполагал в трагедии Гёте педагогичность классического образца, включил его в свой проект просвещения[1]. Он признавал «за второю частью Фауста высокое воспитательное значение» (1, с. 19), вне утилитарного и резонерского смысла, переносил этико-дидактическую ситуацию трагедии в реальную жизнь. К. А. Иванов воспринимал Фауста как «культурного героя», который полагает морю пределы, налагает оковы и отвоёвывает сушу (Там же, с. 17). «*Для сильного хорош и этот свет*» (2, с. 354), что воплощает идею практического служения и работы. Поэтому «*бессмертная часть Фауста спаслась*» (Там же, с. 379)[2].

К. А. Иванов ставил на страницах перевода проблемы, на решение которых направлена система школьного образования и которые нельзя обойти: как воспитывать человека, когда истина переходит из идеального измерения в неотвратимость мирской, социальной среды. Последний директор Царскосельской Императорской Николаевской гимназии был призван к делу просветительским складом миросозерцания. В течение восьми лет, с 1908 г. до ареста царской семьи, он преподавал в Александровском дворце историю и географию детям Николая II – Великим Княжнам, позже – Цесаревичу Алексею (1, с. 357). Общеизвестно, что в императорской семье выбор учителя воспринимался как политический факт. Педагогика для августейших особ являлась частью идеологии. Образец воспитания, выработанный Жуковским, предполагал знание теории договорного происхождения государства, жизнь для благоденствия подданных. Придворный учитель должен давать советы, служащие благу, и хранить верность определённому идеалу. Стремление воспитать царя было связано с просветительским импульсом XVIII в. К. А. Иванов предлагал синтез научных и художественных знаний, который обогатит семантику педагогических понятий. И тогда возможно вернуться к космополитическому идеалу Просвещения, связанному с новым проектом. Автора интересовала категория аутентичности: процесс восстановления ценности (культурной, исторической, эмоциональной) и его участники.

Исполнение педагогической миссии обусловило трудное положение К. А. Иванова: его могли воспринять как выразителя идей монархии. В Петербурге драматически переживали конец императорской эпохи. События, значимые для людей 1900-х гг., – война и революции, смены правительств и социальных устройств – не позволяли дистанцироваться от политики. Они разрушали завершённость вечного облика мира. Константин Алексеевич не пережил соблазн революции как творческой стихии, эсхатологически содержательного события. Вместе с прежним строем жизни исчезали город Санкт-Петербург, родственные К. А. Иванову социально-психологические типы. С медицинской точностью оформив эпикриз, он не усиливал эмоциональное звучание высказываний. Современные, исторические референции не превращались в инвективу: обличительная риторика обычно приводит к утрате чувства стиля. Это был один из принципов в основе стиля К. А. Иванова-переводчика. Перевод «Фауста» несёт на себе явные черты времени – предвоенной, революционной эпохи, её языка, оперировавшего понятиями «дух времени», «дух народа». Внешним хаотичным жизненным событиям противопоставлялась внутренняя регенерация прежнего культурного порядка[3]. Структура целостного мифа придавала им смысл. Просодия перевода сдерживает разрушительную рефлексию и скрывает тяжбу с историей. Гёте оказывал влияние на становление чувства перспективы и практику филологического исследования [16].

Очерки о Средневековье как претекст перевода трагедии «Фауст». К. А. Иванов подошёл к переводу, имея опыт историка. Профессию переводчика он воспринимал как средневековую: мастер наставляет ученика, который тоже передаёт ремесло согласно цеховому братству. Он любил словесность Средних веков, дух

[1] Спустя десятилетия, Э. Р. Курциус, объясняя различные явления в истории гуманитарного знания, также включил Гёте в корпус «школьных авторов». Э. Р. Курциус анализировал образовательные модели, формирование понятия «классика», изменение его значения и объёма [14, с. 25].

[2] Именно эти черты в образе Фауста выделил в 1930-е гг. С. Л. Франк [15].

[3] О сопротивлении политической системе как «лингвистической силе» и «лингвистической форме. См.: [17].

рыцарства. Интерес к трагедии Гёте выразился в изучении «средневекового быта, средневековой жизни вообще» (1, с. 13), воплотился в классических трудах учёного. К. А. Иванов овладевал общекультурным лексиконом, образами «чужой» реальности в пределах собственного языка. Он являлся автором серии бытописательных очерков о средневековом замке, городоведении, о деревне и её обитателях (публиковались, начиная с 1894 г.) [18]. В Европе существовала традиция, в силу которой профессора выступали с научно-популярными докладами. Фигура популяризатора воспринималась как необходимая в культурном поле: педагогическая «лёгкость» соответствовала требованиям картезианской философии. Труды К. А. Иванова по медиевистике отличались непринуждённым стилем и были доступны неспециалисту. Они составили «пренатальную» биографию его перевода. Мифология города наполнена мистическими историями и легендами о Фаусте, премудрых схоластах, фокусниках. К. А. Иванов соотносит сцену трагедии «Перед городскими воротами» с очерком «Городские увеселения» из своей книги «Средневековый город и его обитатели» (1895) (1, с. 342).

К. А. Иванов о семантическом потенциале переводов. К. А. Иванов сам определил свой статус в культурном пространстве эпохи, предпочитая всем репутационным характеристикам одну: «*скромный переводчик великого творения*» (2, с. 406). Ему был чужд прагматизм профессионального самоутверждения. Круг авторов, переводимых К. А. Ивановым, не был широким и разнообразным. Он пережил родственную связь с одним гением – Гёте. Он вывел Гёте и его трагедию «Фауст» за пределы «литературы» как свою абсолютно личную историю. Иванов воспринимал себя как человека «фаустовской культуры», и основой этого осознания стала сакраментальная нерасторжимость с немецким поэтом.

Два дарования – поэта и переводчика – не связаны всецело: переводчик должен быть лингвистом, стиховедом, историком культуры. Оригинальное литературное творчество К. А. Иванова сближалось с деятельностью переводчика, о чём свидетельствует стихотворение «Из Гёте (пер. с нем.)»: «Божьи – запад и восток, / Да и всякий уголок, / Будь то север или юг, – / В мирной власти Божьих рук»[1]. Являясь вольной вариацией одного из «Талисманов» («Западно-Восточный диван», 1814–1819), оно не содержит явной референции к конкретному сочинению[2]. Однако по соотношению слова и метафизической реальности ближе к Гёте, чем любой перевод.

К. А. Иванов понимал перевод как эвристический процесс и одну из форм высказываний об оригинале. Он возвращался к корпусу уже имеющихся переводов «Фауста». Особенно внимательно изучил прозаические переводы П. И. Вейнберга, А. Л. Соколовского, стихотворный перевод А. А. Фета (Там же, с. 393). Автор сравнивал варианты, что предполагало внутриязыковой перевод. Он познакомился с трудами гётеведов – Л. Ю. Шепелевича, Г. Бойезена и др. К. А. Иванов не нарушал конвенции литературной полемики, не прибегал к общепринятым критическим клише. Например, А. Н. Овчинников, автор «занимательного в своём роде литературного курьёза» (Там же, с. 407), не вошёл в пантеон переводчиков. Он встретил в периодике XIX в. «фельетонное» недоброжелательство. Цитировались казусы его отрывков, в «общем мнении» выражалась ревнивая враждебность современников. Первые полемические выпады определили интонацию следующих печатных утверждений. Им не заинтересовались даже литературные «археологи», полагая, что подобный способ переложения не приспособлен к апроприации его культурой. К. А. Иванов, напротив, нашёл для А. Н. Овчинникова сочувственные слова. Он понимал, что проблема постижения существует уже на языке самого оригинала. К тому же осознание несовершенства чужих переводов недостаточно для решения собственных переводческих задач.

Окончательная редакция данного издания содержит сопроводительный аппарат: пролегомены к выбору текста, аналитические суждения переводчика. Комментарии – лингвистические, архитектурно-краеведческие, рефлексия над собственным переводом – были предметом, органически

[1] Лепестки. Новый сборник стихотворений К. А. Иванова. – СПб., 1912. – URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_dir_Ivanov_stihi.htm#Na (дата обращения: 30.05.2021). – Текст: электронный.

[2] Оригинал трудно найти по первым строкам перевода: нужно установить начальную лексему, учесть разный порядок слов.

близким интеллектуальному темпераменту автора.

Текстологические примечания к «Фаусту» не имеют систематического характера, особенно к первой части. В энциклопедических комментариях К. А. Иванов разъясняет реалии. Например, имя «Мефистофель» он толкует на примере староанглийской поэзии как «*дух, не любящий свет*» (1, с. 341). К последним словам из сцены «Приятная местность» «*Здесь в яркой радуге нам жизнь предстала вдруг*» переводчик даёт следующее пояснение люминарных эффектов: «<…> *так истинное содержание жизни есть многоразличное отражение единого (единосоставного) вечного*» (2, с. 391).

Примеры семантико-мотивационной интерпретации лексики и словообразовательный потенциал. Переводчик прибегает к стилевым явлениям отечественной литературы и готовым формам речи. «*Народ же, как безгласный, / Безмолвствует*». Строка "*Blutend alles Volk verstimmt"*[1] буквально означает: «*Истекающий кровью народ расстроен*». Ритмические, просодические источники, преемственность интонации включаются в ассоциативный и тематический ряды. К. А. Иванов истолковывает мистику и аллегоричность через народный мифопоэтический код, который принадлежит фольклорному или простонародному языковому субстрату. В ореоле архаизации возникает стилизованный национальный фон. Ангелы поют: «*Цветики заветные, / Огоньки приветные*» (Там же, с. 369). Здесь лексическим камертоном является русская народная песня.

Переводчик старается сохранить отчётливые формы Гёте, ставшие риторическими топосами. «*Мой друг! Теории туманны и темны, / А древо жизни вечно зеленеет*» (1, с. 129). «*Уж так устроено на свете: / Игрой – игра, детьми все дети*» (Там же, с. 186). *«Да, любопытны в своём роде / Чертей сужденья о природе»* (2, с. 283). Ритмический переход готовит объективность жизненного вывода. Но в ряде случаев автор избегает формул, удобных для цитирования в дидактических целях. Он разрушает авторитарную гармоническую модель: номинальные фразы, предложения гномического типа. «*Я часть той силы, что, желая злое, / Творит, однако, только лишь благое*» (1, с. 93). Перифрастическое выражение Мефистофеля не имеет столь чётких границ, как в оригинале, может быть дьявольски подвижным. Усложнение порядка слов приводит к несовпадению метрического и синтаксического членения. Смысловой, акцентной становится роль уточнений, служебных слов, «распространяющих» фразу. Они выводят суждение из статического состояния, создают разговорную модальность. Слово «однако» обладает широким спектром значений – от сомнения до указующего перста, и все они востребованы поэтом. Нарушаются афористичность, строгий канон немецкой грамматики, утесняющая регламентация. Регулярную строфику и ритмическую уравновешенность сменяет свободная форма стиха. **К**онфликт ритма и синтаксиса способствует ветвлению смысла. При этом мистическая тональность может быть утрачена.

Рифма усиливается комбинациями звуковых совпадений и расхождений, окружается родственной звуковой средой. «*Кто много принесёт, тот всякому приносит, / А масса для себя такой же массы просит, / Из массы для себя всяк что-нибудь найдёт / И, получив своё, довольный прочь пойдёт*» (Там же, с. 28). Приводятся сочетания с тавтологическим эпитетом: «*черты чертовские*» (2, с. 373). Иванов интонирует фразу с помощью дистантных инверсий. «*Вот точно так толпы народа / С утра теснятся у дверей / Пекарни хлебной в год голодный*» (1, с. 26). «*Поэт – могущества людского проявленье*» (Там же, с. 30). В тексте органично возрастает роль интенсивного повтора как приём усиления выразительности: он появляется там, где его нет у автора. «*Да, кровь — совсем, совсем особый сок*» (Там же, с. 114). «*Скоро, скоро тип живой / Всех женщин пред тобой предстанет*» (Там же, с. 173). Повтор конструкции имеет фольклорный характер, представляет собой заклинание утверждением, попытки приручить словом таинственные или враждебные стихии.

К идиолектным свойствам стиля переводчика относится его любимый морфологический приём: добавление к основе глагола приставки «по-». «*Хоть бороду я отрастил большую, / Искусство жить мне чуждо посейчас*» (Там же, с. 131); «*Желал бы я тебе позапастись работой, / Чтоб ты мне досаждать не приходил*» (Там же, с. 235). «*Учёность из тебя повыколотить трудно*» (Там же, с. 235); «*Хочу умом я*

[1] Goethe I. W. v. Werke: in 14 Bde. – München: Verlag C. H. Beck, 1989. – Bd. 3. – S. 300.

сильно пораскинуть» (2, с. 287). Экспрессивная префиксация приводит к деформации слова: «*повыползла улитка*» (1, с. 292), «*порасскажешь эпизод*» (2, с. 336). Ряд таких переводческих решений превращается в тенденцию.

К. А. Иванов передаёт высокую частотность использования диминутива в трагедии Гёте. «*Коль головёнка выхода не знает, / Ей уж мерещится конец*» (1, с. 240). При этом переводчик ещё более усиливает уменьшительный склад речи, прибегая к запасу суффиксов. «*У Маргариточки тут скисла мордочка, / Она подумала, что есть ведь жёрдочка*» (Там же, с. 191)[1]. «*То – ламии, воздушные девчонки, / Наглы их лбы, в улыбках их губёнки*» (2, с. 141). «*Я чувствую себя плохонько иногда*» (1, с. 294). «*Ступай, там путайся с бродяжками своими!*» (2, с. 141). «*Ведь если бы не я, так ты бы уж давненько / С земного шара полетел даленько*» (1, с. 235). «*Дорожек, уголков тенистых натворил*» (2, с. 284–285), «*А для красоток в дивном месте том / Настроил бы я домиков укромных*». «*Нежный, но сильный плутишка*», «*цвета пурпурного тельце*», «*Так мотылёчик готовый, / Быстро скользнув из державшей / Крепко его в заключенье / Куколки, крылья расправив*» (Там же, с. 258). Диминутивные формы выполняют разные функции. С одной стороны, они укрощают вещи, делают их податливыми, являются языковым средством преодоления страхов. С другой стороны, в дьявольском мире всё живое сжимается в размерах, именно таким его схватывает язык. Сцена встречи Гретхен и Фауста называется «*Беседочка*» (1, с. 227). Ангелы именуются как «*детки миленькие*», «*деточки*» (2, с. 372), «*мальчугашки*» (Там же).

Экспрессивно сниженная лексика ломает лингвистические конвенции. Нейтральные слова оригинала заменяются лексемами с негативной коннотацией. Они означивают иную внелингвистическую реальность (референт). «*Подобной рожи в жизни не видал! / Ты в положении припёртом?*» (1, с. 190). Приведём подстрочник к оригиналу[2]: «*Что с тобой? Что тебя так сильно жжёт? / Такого лица я в своей жизни не видел!*». «*Я рехнулась совсем, / Я хожу без ума*» (Там же, с. 242). Подстрочник: «*Прочь мой покой, / На сердце тяжело*»[3]. Автор прибегает к немотивированному объединению лексем в пределах одной клаузы, что приводит к наивной словарной эклектике. «*Про эту кой-что маракую. / Она от исповеди шла. / Шмыгнул вблизи конфессионала / Во время исповеди я*» (Там же, с. 175). В рамках одного оценочного высказывания вступают в сложное соотношение слова с высокой и низкой эмоциональной окраской. К. А. Иванов сознательно выбирает стратегию нарушения нормы, создавая различные «неправильности». “*Du bist doch sonst so ziemlich eingeteufelt*”[4] он переводит «*очертовел ты кое в чём*» (Там же, с. 240). Тема задаётся корнем, а её интерпретация – префиксом «о», который входит в состав такого слова, как «очерстветь». При морфемной перестановке продуктивный способ образования с одного слова переносится на другое. Автор прибегает к грамматическому рассогласованию. «*Пока он землю обитает*» (Там же, с. 37). К. А. Иванов создаёт окказиональные квази-неологизмы, например, «*край распутномудрый*» (Там же, с. 307).

Заключение. И. Анненский, Ф. Сологуб, К. Иванов являются создателями петербургской школы перевода. Трагедия К. А. Иванова представляет собой некий завершительный, итоговый характер переводческой традиции «Фауста».

В кратких воспоминаниях автор выстраивает свою интеллектуальную биографию и влиявшую на неё эмоциональную историю. Культурно-антропологический анализ возвращает его литературному миру нередуцируемую целостность. Ориентирами К. А. Иванова при воплощении замысла явились реальные адресаты, знающие оригинал. Сходство восприятий, эстетических реакций, мыслительных ходов воплощены в тексте как образ понимания и интерпретации произведения.

Перевод, связанный с академическим амплуа К. А. Иванова, относится к просветительскому типу. Потребность в философском наставничестве была органической составляющей личности переводчика. Педагогические навыки, учительство/ученичество определили дидактически-просветительский пафос его сочинений.

Перевод стал для К. А. Иванова формой оригинальной поэзии. В творческом

[1] В оригинале в диминутиве приводится только имя “Margretlein”. См.: Goethe I. W. v. Werke. – Bd. 3. S. 91.

[2] Там же. – С. 90.

[3] Там же. – С. 107.

[4] Там же. – С. 371.

сознании и поэтической картине мира переводчика возникают аналогии со стилевыми явлениями русской литературы, с их ритмико-грамматической основой. Свойства языка оригинала совпадают с интенцией переводчика. Ему было присуще стремление отражать разные стихии речи (бытовой язык, тот, который соответствует литературной задаче, и т. д.). Благодаря ярко выраженному поэтическому темпераменту он передаёт экспрессивность – божественный экстаз, бесовское искушение, несвободу от инстинктов и страстей – через неправильность, нарушает конвенциональные нормы. Автор органично соединяет архаический антураж и народное просторечие. Ритмико-интонационные, метрические отличия, мелодическая изобретательность К. А. Иванова помогают читателю осмыслить структуру оригинала.

Список литературы

1. Стайнер Дж. После Вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М.: МЦНМО, 2020. 645 с.
2. Widlund-Fantini F.-M. Danica Seleskovitch, Interprète et témoin du XX-e siècle. Lausanne L'Age d'Homme, 2007. 238 p.
3. Hatim B., Mason I. The translator as communicator. London; New York: Routledge, 2014. 272 p.
4. Coseriu E. Einführung in die allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen: Francke, 1988. 329 p.
5. Translation zwischen Text und Welt – Translationswissenschaft als historische Disziplin zwischen Moderne und Zukunft / H. Kalverkämper (hrsg.). Berlin: Frank & Timme, 2009. 692 p.
6. Берман А. Испытание чужим. Культура и перевод в романтической Германии. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispytanie-chuzhim-kultura-i-perevod-v-romanticheskoy-germanii/viewer (дата обращения: 30.05.2021). Текст: электронный.
7. Meschonnic H. Éthique et politique du traduire. Paris: Verdier, 2007. 185 p.
8. Leech G. Language in literature: Style and Foregrounding. Harlow: Longman, 2008. 423 p.
9. Prunč E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht Berlin: Frank & Timme, 2012. 438 p.
10. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
11. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour traduire. Paris: Didier Érudition, 2014. 311 p.
12. Weltliteratur. Die Lust am Übersetzen im Jahrhundert Goethes. Marbach: Deutsche Schillerellschaft, 1982. 712 p.
13. Соболев А. Л. Тургенев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М.: Трутень, 2017. 744 с.
14. Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern-München: Francke Verlag, 1978. 608 p.
15. Франк С. Л. Гёте и проблема духовной культуры // Путь (Париж). 1932. № 32. С. 83–90.
16. Auerbach E. Philologie der Weltliteratur // Auerbach E. Gesammelte Aufsatze zur Romanischen Literatur. Bern-Műnchen: Francke, 1967. Pp. 301–310.
17. De Certeau M., Dominique J., Revel J. Une politique de la lanque. Paris: Gallimard, 1975. 480 p.
18. Иванов К. А. Средневековой город и его обитатели. A medieval city and its inhabitants. URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_dir_Ivanov_stihi.htm#Na (дата обращения: 30.05.2021). Текст: электронный.

Статья поступила в редакцию 13.05.2021; принята к публикации 20.07.2021

Сведения об авторе
Васильева Галина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления; 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1; e-mail: vasileva_g.m@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-6928-1096.

Для цитирования:
Васильева Г. М. Антропоцентричность как принцип перевода: «Фауст» К. А. Иванова // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 36–45. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-36-45.

References

1. Stainer, Dzh. After Babel: Aspect of Language and Translation. Moscow: MTSNMO, 2020. (In Rus.)
2. Widlund-Fantini, F.-M. Danica Seleskovitch, Interprète et témoin du XX-e siècle. Lausanne L'Age d'Homme, 2007. (In French)

3. Hatim, B., Mason, I. The translator as communicator. London; New York: Routledge, 2014. (In Engl.)
4. Coseriu, E. Einführung in die allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen: Francke, 1988. (In German)
5. Translation zwischen Text und Welt – Translationswissenschaft als historische Disziplin zwischen Moderne und Zukunft. Berlin: Frank & Timme, 2009. (In German)
6. Berman, A. Test by unfamiliarity. Culture and translation in romantic Germany. Web. 30.05.2021. https://cyberleninka.ru/article/n/ispytanie-chuzhim-kultura-i-perevod-v-romanticheskoy-germanii/viewer (In Rus.)
7. Meschonnic, H. Éthique et politique du traduire. Paris: Verdier, 2007. (In French)
8. Leech, G. Language in literature: Style and Foregrounding. Harlow: Longman, 2008. (In Engl.)
9. Prunč, E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht. Berlin: Frank & Timme, 2012. (In German)
10. Girts, K. Interpretation of cultures. Moscow: ROSSPEHN, 2004. (In Rus.)
11. Seleskovitch, D., Lederer, M. Interpréter pour traduire. Paris: Didier Érudition, 2014. (In French)
12. Weltliteratur. Die Lust am Übersetzen im Jahrhundert Goethes. Marbach: Deutsche Schillerellschaft, 1982. (In German)
13. Sobolev, A. L. Goethe and tigers. From archival research on Russian literature of the first half of the XXth century. Moscow: Truten', 2017. (In Rus.)
14. Curtius, E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern-München: Francke Verlag, 1978. (In German)
15. Frank, S. L. Goethe and the problems of spiritual culture. Way, Parizh, no. 32, pp. 83–90, 1932. (In Rus.)
16. Auerbach, E. Philologie der Weltliteratur. Auerbach E. Gesammelte Aufsatze zur Romanischen Literatur. Bern-Műnchen: Francke, 1967: 301–310. (In German)
17. De Certeau, M., Dominique, J., Revel, J. Une politique de la lanque. Paris: Gallimard, 1975. (In French)
18. Ivanov, K. A. A medieval city and its inhabitants. Web. 30.05.2021. URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_dir_Ivanov_stihi.htm#Na (In Rus.)

Received: May 13, 2021; accepted for publication July 20, 2021

Information about author
Vasilyeva Galina M., Candidate of Philology, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management; 1/52 Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia; e-mail: vasileva_g.m@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-6928-1096.

For citation:
Vasilyeva G. M. Anthropocentricity as a Principle of Translation: Faust by K. A. Ivanov // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 36–45. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-36-45.